

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

**"ИРАНСКИЕ" БОЖЕСТВА В БУДДИЙСКОМ ПАНТЕОНЕ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

В недавно вышедшей книге известного ориенталиста и историка искусства Б.Роуланда "Центральная Азия" воспроизведена двусторонняя деревянная иконка, на одной стороне которой изображен Шива-Махешвара, на другой - четырехрукое мужское божество, названное здесь "Рустам или бог шелка"¹. Вещь эта была найдена при зачистке руин буддийского храма D VII в Дандан-Ойлыке, близ Хотана, А.Стейном в декабре 1905 г. и опубликована в отчетах экспедиции² (см. рис.23). Воздерживаясь от интерпретации сюжета, А.Стейн отметил "характерный персидский стиль, бросающийся в глаза, в передаче самой фигуры и ее аксессуаров". Впоследствии к этому любопытному образку неоднократно обращались и сам А.Стейн, и другие исследователи Центральной Азии, называя загадочное четырехрукое божество то "персидский бодхисаттва"³, то "персидский четырехрукий бог в туземном одеянии"⁴. Его приводили как пример согдийского влияния на искусство Сериндии⁵ или прямого заимствования согдийского изобразительного канона⁶. Позднее А.Стейн высказал довольно решительно предположение, что "четырёхрукое божество из Дандан-Ойлыка" - это не кто иной, как Рустам, самый любимый и прославленный из богатырей иранского героического эпоса.

Основанием для этого послужило новое открытие, сделанное им в Сеистане. На одной из стен раскопанного в 1915 г. замка Гхагха были обнаружены остатки живописи, в частности изображение сидящего на троне царя или бога, поза и костюм которого напоминали "персидского бодхисаттву" на упомянутой хотанской иконке. Левая рука царя энергичным жестом упиралась в колено, в приподнятой правой он держал булаву с навершием в виде головы коровы. "Палица такой формы, - пишет Стейн, - это зна-

менитая "гурз", какой ее знает персидская иконография мусульманского времени, какая обычна в иллюстрациях к Шах-наме". Такой атрибут, по мнению Стейна, "безусловно, свидетельствует о том, что это Рустам, знаменитый герой Сеистана". "И действительно, — добавляет он, — люди из окрестных поселков, работавшие на раскопках, сразу опознали знакомую эмблему и разнесли эту новость (о находке изображения Рустама!) по округе"⁷.

В том, что сеистанские крестьяне сразу признали в изображенном на стене древнего замка не кого иного, как Рустама, нет ничего удивительного, так как до наших дней народная молва охотно связывает с именем "первого богатыря вселенной" самые разнообразные памятники древности — конные рельефы Сасанидов, руины средневековых замков и даже примечательные по виду скалы, расселины, намытые ручьем валы, называя их то остатками жилищ легендарных предков Рустама, то следами копыт его вещего коня Рахша⁸. Подобные достопримечательности встречаются везде, где известны легенды о Рустаме и его подвигах; в Сеистане, на родине героя, они особенно часты и сохранились в таких топонимах, как Ахури Рустам 'ясли /коня/ Рустама', Пайкаши-йи Рустам 'след Рустама', Ках-и Заль 'дворец Залья' (Рустамова отца), Шахр-и Захак 'город Захака' или название озера Мир Захак, связанное с именем пращура Рустама — царя-змея Захака.

Что же касается знаменитой палицы с головой коровы, то она не является специально и исключительно рустамовским атрибутом⁹. В большей степени это своеобразное оружие присуще Феридуну, украсившему свою булаву изображением коровы Пурмоё, некогда его вскормившей. Правда, на миниатюрах Рустам нередко (но далеко не всегда) изображается с такой же булавой, но с ней изображаются многие и легендарные и исторические цари и полководцы.

Не может убедить в идентичности "Рустама" из Гхагха с четырехруким божеством из Дандан-Уйлыка и сходство их одежды. Как в одном, так и в другом случае она принадлежит к типу одежды, которую в различных вариантах носили, по-видимому, в Азии, и в Согдиане, и в Сериндии, и кото-

рая сама по себе не может служить решающим признаком для иранского (персидского, сасанидского), согдийского или хотанского происхождения изображенного. Еще меньше сходства в остальном. У "Рустама" настенной росписи две руки, а не четыре, и он скорее изображает человека, героя легенды, сказочного царя, а не божество, в то время как на иконке из Дандан-Ойлыка изображен бог, существо сверхъестественное, бог – такой же, как трехликий и четырехрукий Махешвара на ее оборотной стороне. Признаком, что это бог, служит и то, что кроме нимба вокруг головы вся фигура его окружена мандорлой¹⁰, присвоенной в буддийской иконографии только божествам высших классов. Едва ли можно согласиться и с категорическим утверждением Роуланда о существовании в Пенджикенте "особого культа Рустама"¹¹. Пенджикентские росписи, изображающие подвиги богатыря, – это не иконы, а эпоса в картинах. Про обычай "живших в Азии варваров" изображать на стенах своих храмов, дворцов и частных жилищ сцены из древних сказаний сообщал уже Мегасфен¹². В средневековой персо- и арабоязычной литературе встречаются многократные упоминания о росписи дворцов, частных жилищ и общественных зданий сюжетами именно эпического, а не мифологического содержания¹³.

Едва ли у нас есть основания вообще предполагать существование такого культа в Согде или Иране, где легенда о сакском богатыре получила распространение не ранее первых веков нашей эры, когда его образ стал воплощением рыцарских добродетелей, а не черт божества¹⁴. Имена Рустама, его отца Заля и деда Сама не упоминаются в ортодоксальной пехлевийской литературе и сасанидской исторической традицией¹⁵. Предания о героях Рустамова круга, которые мы встречаем в арабских исторических сочинениях первых веков ислама, почерпнуты из фольклорных источников¹⁶. И Фирдоуси, "наполнивший вселенную именем Рустама", по собственному признанию, узнал чудесную повесть в устной передаче от сказителей, которые "слова про Рустама под /звуки/ флейты и руда пели на пахлавийский лад"¹⁷. Попытки найти прототип Рустама в зороастрийском пантеоне также сомнительны и не дают ничего для понимания этого слож-

ного образа¹⁸. А все известные нам версии легенды о нем, все памятники изобразительного искусства представляют его чудо-богатырем, но не богом.

Более близким к истине кажется второе предположение, т.е. что четырехрукая фигура на иконке Д УП,6 – это бог шелка. Оно также было высказано А.Стейном, обратившим внимание на сходство этой фигуры с четырехруким божеством на аналогичном деревянном образке, дающим, быть может, представление об истории введения в Хотане шелководства¹⁹. Следует добавить, что тот же четырехрукий бог встречается еще на целой серии подобных деревянных иконок, происходящих из хотанского оазиса. На некоторых из них он окружен свитой, несущей разнообразные инструменты обработки волокна и ткачества, ткацкие станки, веретена, сосуды с коконами. В одном случае верхняя пара его рук держит ткацкий челнок и бёрдо²⁰.

О существовании в Хотане божеств – покровителей шелководства и даже посвященного им храма сообщают китайские нарративные источники²¹, где эти божества названы китайскими именами. Заимствование хотанцами и культа и имен этих божеств из Китая, откуда пришло сюда шелководство, казалось бы вполне естественным. Однако окруженное ткачами, пряжами и несущими чаши с коконами шелководы хотанское четырехрукое божество везде сохраняет тот "явно иранский характер", который отметил А.Стейн.

С точки зрения буддийских иконописных канонов этот загадочный персонаж должен быть отнесен к классу "богатырских божеств"²². Такие божества изображаются одетыми в царскую одежду или богатые доспехи, их поза величественна; характерным для нее является положение рук с широко расставленными локтями, упирающихся в колени. Лица этих божеств "мужественны и грозны", брови насушены, на лбу морщины гнева, глаза свирепо витаращены, черты их резки и грубы, нос крупный, с горбинкой, ноздри раздуты. Они имеют облик зрелых мужей с окладистой бородой или длинными усами, тело их мощное, тяжеловесное, иногда даже тучное. Так изображаются гении – хранители сторон света, стран и городов, обожествленные цари, эпони-мы местных династий и т.п.²³.

Китайские и тибетские письменные источники приводят легенды об истории Хотанского царства и говорят о том, что божеством – покровителем этой земли и родоначальником правившей здесь династии был древний индийский бог, носивший имена Вайшравана, Кувера, Сома²⁴. Вайшравана – древнее индийское божество, упоминаемое уже в ведах²⁵ как хранитель северной части космической горы Сумеру и владыка блаженного царства Уттара-Куру, где нет старости, болезней и горя, обитатели которого живут века, оставаясь вечно юными. Куверу-Вайшравану называют также повелителем якшей – духов, олицетворяющих плодородие и животворные силы природы. Как божество плодородия он связан с луной и с водной стихией. В "Словаре якшей" Кувера назван духом-хранителем Кашмира²⁶.

В буддийской традиции Вайшравана – владыка северной части мироздания, повелитель якшей, полководец их воинства и супруг Харити – Великой Матери и демониссы, чадоподательницы и госпожи духов эпидемий (особенно оспы, откуда ее прозвище "Матушка Оспа")²⁷. Иконописные каноны предписывают изображать Куверу одетым "на западный лад", "тело его защищает броня, лицо грозное". Уже скульптура "Гандхарской" школы представляет его в "сакской" или "кушанской" одежде²⁸. Культ Вайшраваны занимает особое важное место в северном буддизме и позднее в ламаизме, где он почитается так же, как бог богатства – Джемб-хала²⁹.

Распространенность и живучесть этого культа объясняется, несомненно, тем, что он восходит к древним верованиям центральноазиатских народов, сложившимся задолго до появления здесь буддизма, почитавших "хозяев" гор и рек, духов, охранявших их землю, дарующих ей плодородие, а людям – богатство.

Вполне понятно, что в Хотане бог-хранитель, обеспечивающий его процветание, стал одновременно и покровителем того вида хозяйственной деятельности населения, который был основным или по меньшей мере одним из основных источников богатства этого оазиса. О том, какое зна-

чение имело здесь шелководство уже в древности, свидетельствуют как разнообразные письменные источники и данные археологии³⁰, так и то, что еще в начале нашего века шелководство по своему экономическому значению занимало в Хотане второе место после добычи нефрита и что Хотан являлся главной областью по этому виду хозяйственной деятельности в бассейне Тарима³¹.

Таким образом, кажется возможным прийти к выводу, что четырехрукое божество хотанских иконок – это древнее автохтонное божество, хранитель страны и патрон самого важного для нее промысла – шелководства. Тогда становится понятным его "явно персидский" облик, сохранивший в своих чертах и одежде признаки физического типа и бытовые реалии коренного восточноиранского (сакского) населения.

Кто же из божеств древнего иранского (или арийского?) пантеона послужил прототипом для возникновения этого синкретического образа?

Если индийская традиция, как было сказано, называет владыкой Хотана и родоначальником его царей Вайшравану, то, по дошедшим до нас иранским версиям, родоначальником династий, правивших Кабулистаном, Сакастаном и западными областями Восточного Туркестана, был легендарный царь-змея Захак³².

До нас не дошли в своем исконном виде восточноиранские изводы мифов и преданий, явившиеся первоисточником важнейших сюжетов иранского эпоса³³. Мы знаем их только в позднейших персидских тенденциозных редакциях, служивших целям легитимизации сасанидской династии и утверждению ортодоксального зороастризма. Более того, сказания и их герои, отвергнутые этими прокламативными версиями, дискредитируются и представляются силами зла и вражды³⁴. Так, первое известное нам в зороастрийской литературе упоминание Захака представляет его чудовищем "Али-даха-ка с тремя пастями, с тремя головами, с шестью глазами, с тысячей хитростей, весьма сильный дружд дьявольский, злобный ко всему живому, злодей, которого Ангра Майнью создал как самый могущественный дружд против телесного мира, дабы обречь смерти мир Ашья"³⁵. В позднейших обра-

ботках мифа змей Дахак превращается в иноземного царя-тирана Захака. Он также олицетворяет злое, Ахриманово начало, враждебное иранству, вере Зардуста и вообще всему миру добра и порядка. Мы не знаем, что рассказывала о царе-драконе, царе - родоначальнике властителей Сакастана, Кабула и Хотана восточная версия легенды, быть может существовавшая только в изустной передаче. Но несомненно, что, в представлении этой версии, Захак был одним из великих змеев космических мифов глубочайшей древности, подобных Зрвану, Ананте и гигантам античного мира, воплощением представления о безграничности времени, беспределности мироздания и могуществе стихий³⁶. О почитании в восточноиранском мире такого змеяного божества свидетельствуют находимые на территории, некогда обитавшей сакскими племенами, изображения царя с растущими из его шеей змеями³⁷.

Этические воззрения формировавшегося классового общества потребовали разделения аморфных и равнодушных к человеческому добру и злу первобытных божеств на представлявших силы - злой, враждебной человеку и доброй, созидательной. Таким двойником - антагонистом Захака - стал Джемшид персидского эпоса, Йима-Хвайшта Авесты. Хотя древнейший из этих источников - Гаты - упоминает Йиму как злодея и грешника, который, "дабы ублажить людей", дал нам в пищу куски мяса³⁸, в позднейшей пехлевийской и персидской литературе, отражающей, по-видимому, некую народную традицию, он является великим и мудрым царем, строителем земного рая, где "были неистощимы все виды пищи, животные и люди бессмертны, воды и растения спасены от засухи"³⁹.

Как был развит этот образ "первоцаря" в неизвестной нам сакской легенде, распался ли он на два - Захака-разрушителя и Джемшида-созидателя, сейчас сказать нельзя, но, несомненно, в круге этой мифологии существовал царь-бог, бывший, подобно Вайшраване индийцев, хранителем земли, ее производительных сил и создателем человеческой культуры. Персидская традиция не включает его в родословную законных царей Ирана, как и прочих героев сакского

"рустамовского круга"; она рассказывает о том, что благодать-фар покидает Джемшида за то, что он внес в мир смерть, начав употреблять в пищу мясо животных⁴⁰. Любопытно, что тот же грех, по некоторым другим вариантам легенды, приводит к гибели Захака⁴¹.

Черты строителя земного рая, наставника человечества в промыслах и ремеслах Джемшид сохраняет и в позднейших средневековых редакциях иранского исторического предания. Табари говорит о добрых делах этого царя: "...научил ковать мечи и другое оружие. Он показал, как производить шели и шелк-сырец"⁴². Еще подробнее рассказывает об этом в своей поэме Фирдоуси: "...вступил /Джемшид/ на благодатный отчий престол по обычаю Кейянидов, на голове его золотой венец. Опоясался славой, /Фаром/ шаханшахов, весь мир перед ним открылся от края до края. То время отдыхало от /ударов/ судьбы. Подвластны приказу его дивы, птицы и пери. Им воссиял царский престол. Сказал: "Я - обладатель божественного фара, я и царь и мубед. Руку злодея, стремящуюся к злодеяниям, я укоротил. Я направил идущих на путь света". Сначала он сделал воинское снаряжение и вручил его богатырям, дабы искали славы. /Силой/ кейянидского фара расплавил железо и сделал такие /вещи/, как шлем, кольчуга и латы, как хафтан, меч и панцирь... В следующие пятьдесят лет он позаботился об одежде... из хлопка, шелка и шелка-сырца, сделал он плотно, и драгоценную парчу, и ткань из шерсти с шелком. Научил он их прясть и ткать, пересчитать основу с утком"⁴³.

Этот образ обладателя божественного фара, мудрого хозяина земли, труженика и наставника сохранился не в официальной исторической хронике, не в "Книге владык", а в народных сказаниях. Следы таких же местных сакских верований отражены изобразительным искусством в иконке из Дандан-Ойлыка. Этот образ древнего хотанского божества легко слился с образом Куверы-Вайшраваны и был, как многие подобные народные божества, включен в обширный пантеон северного буддизма.

Какова же судьба другого, самого прославленного героя сакского эпоса - Рустама? Кем он был на своей ро-

дине, продолжал ли он свои подвиги, или, созданный великим персидским поэтом, образ "слононогого" гиганта, победителя драконов, дэвов и ведьм, грозы Турана, надежды и опоры кейянидского престола, созвездия рыцарских доблестей, чье имя прославлено во всем мире, затмил и обрек забвению того, кем он был вначале? Неужели в искусстве Центральной Азии, сохранившем нам изображения Захака и Йима, не оставил своих следов всадник на веле, небывалой масти коне?

Среди еще не разгаданных образов легендарных героев Центральной Азии многократно повторяется один - молодой всадник на сказочном коне пятнистой масти. В правой руке юноша держит сосуд, к которому слетает черная птица (см. рис.24)⁴⁴. Его изображения встречаются в настенных росписях и на иконках, подобных только что рассмотренной. Так же как изображения Йима-Вайшраваны, изображения всадника сочетаются с иконами мивантских и буддийских божеств. "Быть может, и здесь, - замечает А.Стейн по поводу одной из них, - мы имеем введение в центральноазиатский буддизм иконографии, восходящей к персидскому фольклору"⁴⁵.

В известных нам персидских легендах владельцем чудесного велького коня небывалой масти, подобной "шафранному полю, усыпанному розами", был Рустам, но в облике юношеского всадника из Сериндии нет на первый взгляд ничего общего с "слононым" богатырем "Книги царей". Те же легенды о Рустаме, которые живут в наши дни среди населения Сеистана и так широко отражены в топонимике страны, скорее всего, как и согдийская версия, восходят не к первоначальному источнику, а к феодальной персидской обработке, возвращенной на родину уже через средневековую литературу.

Что же нам известно о хотанском всаднике? Судя по тому, что он помещается на специальных иконках наряду с великими божествами, такими, как Махешвара или Будда, он чрезвычайно почитаем и популярен. Существование в Сеистане и сакском Хотане наряду с культами царя-змея и царя-ремесленника также и культа всадника на чудесном коне заставляет думать, что здесь параллельно с мифом о

"слонотелом" богатыре Рустаме и его предках, принятым и преломленным в персидской литературной традиции, продолжал жить и исконный местный вариант Рустамова цикла — миф о всаднике на волшебном коне, защитнике от зол, сохранный фольклорной традицией. Этот миф, приспособленный буддизмом, лег в основу и многочисленных культов и иконографии локальных божеств, которые занимают очень большое место в современном ламаизме и пользуются в широких массах верующих большим почитанием.

Разгадка таинственного всадника дается до некоторой степени в приведенной А.Гринведем тибетской легенде о чудесных событиях, происшедших в одном из буддийских монастырей, на этот раз Турфанского оазиса. Эта легенда вместе с тем очень ярко показывает, как древние народные верования обрабатывались и использовались буддийской церковью⁴⁶.

Привратник монастыря Мулатунга был наказан за богохульство и погнан пламенем. "... полный страха, Анандасена (настоятель монастыря) велел братии три дня подряд читать [по умершему] Садхармапундарикасутру. На рассвете четвертого дня за речкой, протекавшей перед монастырем, появился одетый в доспехи всадник, держащий в поднятой руке чашу. К чаше подлетела птица и напилась у ее края. Так осуществилось перерождение привратника. Тогда всадник, смеясь, пустил в монастырь стрелу и исчез..." Настоятель тяжело заболел; почти умирая, он сочинил словословие всаднику и дал обет изобразить происшедшее чудо в картине. Дэваши, монах-живописец из Идикутвари, написал эту картину, и настоятель исцелился. Далее приводится текст гимна, сочиненного Анандасеной:

"Дабы восхвалить господина якшей, я сложил эту песню во много строк, согласно со словом Всеведущего.

Сонмы всех якшей подчинены твоему приказу. Те, кто почитает здесь учение Будды, хвалебному гимну внимай и радуйся.

О князя якшей, о господа земли и вы, змеинные цари, все добродетельные здесь, в монастырском храме Мулатунга, чтут вас, умножают воскурения, возвышают славу власте-

линов страны. Из великого сна князей-якшей явился сюда всадник (~~асе~~ *asaphel*) передать нам милость бодхисаттвы Падмапани...⁴⁷ /Он сказал:/

"Мую историю выслушайте, монахи, с благоговением. Моя родина роскошна, она лежит в стране персов. Судьба призвала меня владеть княжеством (держать княжескую власть). Слушайте, монахи Шакьямуни.

Таков мой обет, котрый я принес бодхисаттве Падмапани.

Соблюдая обет, пришел я сюда оплатить все долги, искупить все грехи.

Четырем царям духов с их дружинами дал я благочестивый помыслами обет: обманщиков, противоборцев, оборотней, великое множество стервятников в воздухе, стаи которых безжалостно тиранят отцов семейств, рои мух, приносящих болезни, мерзких червей в нечистотах и сточных водах — всех их я одолею.

Монахи Шакьи, все, кто живет здесь в пещерах, слушайте меня все!

Вы, кто привержен религии бхагавана, всех вас я здесь приветствую.

Призраки мертвецов, наваждение всех чародеев, наваждение всех вампиров я своей силой, своим воинством одолею. Все мои полководцы призраки всех мертвецов одолеют. Тот, что держит секиру, псарь, лучник, арканщик — их четверо; тот, что несет палицу, знаменосец, казначей, звездочет — других четверо. /Все они/ наваждение стервятников, волков, мышей, всякий обман одолеют. О монахи Шакья, слушайте меня! Лучезарный Амитабха в Сукхавати во спасение всех живых существ поведал: "В сем раю Сукхавати излучается высокое блаженство".

Бесчисленные цветы лотоса /струят/ для всего живого свой золотой свет; лотосы раскрывают свои чашечки, лучи источаются ими, и тот, кто пробудился, говорит: "Преклоняюсь перед беспредельным светом" — и находит свое умиротворение. "О, ты пришел!" — так говорит мать своим сыновьям и дочерям. И отец видит /свою/ жену и детей, и они навеки обретают мир".

И если бог богатства, владыка северной части мироздания, владыка якшей, царь блаженной страны, где нет старости и смерти, Кувера-Вайшравана сливается с образом Захака-Йима, владыками чудесного Вара, где жили блаженные существа, не знающие страданий, повелители демонов, земных сокровищ, научившие человечество добывать их и пользоваться ими, обучавшие его ремеслам и промыслам, тогда всадник на чудесном коне может быть прототипом Рустама - гонителя чудовищ и демонов, защитником правды и закона. Он продолжает жить в заимствованных из древних, добуддийских образах героев-защитников, таких, как почитаемые в современном ламаизме Пе-хар, Бег-це или Далха⁴⁸. Связь с последним, быть может, сохраняется в его иконографии: это божество изображается в виде молодого, богато одетого воина на коне небывалой масти, сопровождаемого черной птицей.

Примечания

¹ B. R o w l a n d. *Zentralasien. Baden-Baden, 1970* ("Kunst der Welt"), с. 132-136.

² A. S t e i n. *Ancient Khotan. Ox., 1907, pl. LXI.*

³ Там же, с. 280.

⁴ A. L e c o q. *Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittelasiens. B., 1924, с. 50.*

⁵ M. B u s s a g l i. *Painting in Central-Asia. Genf, 1963, т. 61-68, ил. на с. 50.*

⁶ М. М. Д ъ я к о н о в. *Росписи Пянджекента и живопись Средней Азии. - Живопись древнего Пянджекента. М., 1954, с. 154.*

⁷ A. S t e i n. *Innermost Asia. Ox., 1928, с. 916-917.*

⁸ Там же, с. 922, 945.

⁹ Такие палицы существовали и в действительности. На Ближнем Востоке и в Индии они служили преимущественно как декоративное, парадное оружие. В VIII-XIX вв. их изготавливали для европейских коллекционеров. Несколько подобных палиц находится и в собрании Эрмитажа. Предположение А. Стейна, что четырехрукий бог из Ф У II держит в правой верхней руке палицу с навершием в виде головы коровы или быка, маловероятно, так как стерженек

этого предмета слишком мал и тонок для рукояти такого тяжелого оружия, верхний конец его стерт, и решить, каким было навершие и было ли здесь вообще какое-либо навершие, невозможно.

10 А.Стейн и вслед за ним Б.Роуланд считают отождествление "Рустама" с четырехруким божеством на иконке возможным еще и потому, что и в том и в другом случае рядом с ним находится изображение Махевары. Мне кажется, что связь между этими персонажами в обоих случаях различна. Образок Э УП, 6 несет на каждой из сторон по самостоятельному культовому изображению равновысоких божеств. Махевара на росписи должен восприниматься скорее как патрон царственного жертвователя.

11 B. R o w l a n d. *Zentralasien*, с. 32.

12 В.В.Б а р т о л ь д. Сочинения. Т. УН. М., 1971, с. 386.

13 М.М.Д ь я к о н о в. Росписи Панджкента, с. 85; Н.В.Д ь я к о н о в а, О.И.С м и р н о в а. К вопросу об истокновании панджкентских росписей. - Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь 70-летия академика И.А.Орбели. М.-Л., 1960, с. 171-173; *Mizami-Gengevi. Heft Peiker. Ein roman-tisches Epos. Hrsg. von J. Rypka und H. Ritter. Praha, 1934.*

14 В.В.Б а р т о л ь д. Сочинения. Т. УП, с. 392.

15 A. C h r i s t e n s e n. *Les Kayanides. Kbenhavn, 1931, с. 49.*

16 В.В.Б а р т о л ь д. Сочинения. Т. УП, с. 138.

17 Слово *pahlavani* может здесь иметь значение "пахлаванский", т.е. богатырский, и "пехлевийский", т.е. на языке пехлеви.

18 A. C h r i s t e n s e n. *Les Kayanides*, с. 102, 132; E. B e n v e - n i s t e. *Mission Pelliot en Asie Centrale. Vol. 2. Texts Sogdiens, etudes traduits et commentés. P., 1940, с. 134.*

19 A. S t e i n. *Ancient Khotan*, с. 259, pl. LXIII; Н.В.Д ь я к о н о в а. Материалы по культовой иконографии Хотана. - СГЭ. Вып. 17, с. 65-67; о н а ж е. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода. - ТГЭ. Т. 5. 1961, с. 268-270.

20 Н.В.Д ь я к о н о в а. Буддийская иконка из собрания Н.Ф.Петровского. - СГЭ. Т. 19. 1960, с. 36-37.

21 [St. J u l i e n.] *Memoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois en 648 par Hioen-Thsang, et du chinois en français par m. St. Julien. Vol. 2. P., 1858, с. 37; A. R e - m u s a t. Histoire de la ville de Khotan tirée des annales de la Chine et traduit de chinoise par M. Abel Remusat. P., 1820, с. 517.*

- 22 *Raghu Vira, Lokesh Candra. A New Tibeto-Mongolian Pantheon. Vol. 8. Delhi, 1964, pl. 12, 13.*
- 23 Там же, vol. 9. Delhi, 1965, pl. 101-109.
- 24 *F.D.Lessing. Yung He Kung. Stockholm, 1942, с. 14.*
- 25 *T.A.Gopinatha Rao. Elements of Hindu Iconographie. Vol. II/2. Madras, 1914, с. 533.*
- 26 Там же, с.584; *S.Levi. Le catalogue de yaksa dans la Mahamayuri. - JA. 1915, с. 80; J.Brough. Legendes of Khotan and Nepal. - BSO(A)S. Vol. 12.*
- 27 С.Ф. и Е.Г.Ольденбург. Гандхарские скульптурные памятники Государственного Эрмитажа. - ЭКВ. Т. 5. Л., 1980, с. 160-178.
- 28 *Ph.D.Nebesky-Wojkowitz. Orakles and Demons of Tibet. Hague, 1956, с. 68-80; H.Inghold. Gandharan Art in Pakistan, N.Y., 1957, fig. 3, с. 339, 342.*
- 29 *F.D.Lessing. Yung He Kung, с. 247; Ph.D.Nebesky-Wojkowitz. Orakles..., с. 73.*
- 30 *A.Stein. Ancient Khotan, с. 257.*
- 31 Н.Я.Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.-Л., 1950, с. 302; *A.Stein. Ancient Khotan, с. 133-134, pl. LXI; M.F.Grenard (Dutreuil de Rhins J.L.). Mission scientifique dans la Haute Asie 1890-1895. Vol. 2. P., 1898, с. 191.* Еще во время первого посещения Хотана А.Стейном этот оазис был, по его словам "главной областью по шелководству в бассейне Тарима. Шелководством занималась основная масса населения... Несомненно, здесь этот промысел очень давний... Мы никогда, к сожалению, не сможем узнать, какая доля вывозимого на запад шелка производилась в Хотане". Надо заметить, что в хозяйственной жизни Хотана помимо шелководства и шелкоткачества, несомненно, важное место занимало ткачество вообще. Гренар сообщает, что в его время выделкой холста в Хотане занималось не менее 12 тыс. семейств и экспортировали его ежегодно на сумму 67 тыс. фр. [*M.F.Grenard (Dutreuil de Rhins J.L.). Mission scientifique..., с. 191*].
- 32 [*Tabar i*] *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammad ibn Djarir at Tabari. Ed. M.J. de Goeje. Vol. 2. Lugduni Batavorum, 1879-1890, с. 835; G.Flugel. Kitab al-Fihrist, 2. Lpz., 1872, с. 9, 13, 17.*

38 Th. N o l d e k e. *Das Iranische Nationalepos. Grundriss der Iranischen Philologie. Bd. 2. Strassburg, 1904, c. 138.*

34 E. B e n v e n i s t e. *Mission Pelliot en Asie Centrale. Vol. 2. Textes sogdien, etudes traduits et commentes. P., 1940, c. 134; E.W. W e s t. Pahlavi-Texts. Vol. 5. Bundahish. L., 1897, c. 1-8, 12, 20, 29.*

35 Н.В.Дьяконов а. Терракотовая статуэтка Сахана. - ТОВЭ. Т. 3. Л., 1940, с. 204. Приведенную цитату см.: F. W o l f. *Avesta, die heiligen Bücher der Perser. B. - Lpz., 1924, c.289.*

36 A. C h r i s t e n s e n. *Essai sur la demonologie iranienne. København, 1941, c. 17; J. D u c h e s n e - G u l l e m i n. La religion de l'Iran ancien. P., 1962, t. 184.*

37 Н.В.Дьяконов а. Сакские печати из Сериндии. - ВДИ. 1967, № 2, с. 179-280.

38 E. H e r z f e l d. *Archaeologischer Mitteilungen aus Iran. Bd 4, c. 105; A. C h r i s t e n s e n. Les types du premier homme et de premier roi. Stockholm, 1917, c. 49.*

39 A. C h r i s t e n s e n. *Les Kayanides, c. 37, 80; E. H e r z f e l d. Archaeologische Mitteilungen, c. 52-53.*

40 A. C h r i s t e n s e n. *Les types du premier homme..., c.49.*

41 Ф и р д о у с и. Шах-наме. Критический текст. Т. I. М., 1960, с. 48, об. 70-74; с. 49, об. 166-167.

42 T a b a r i, c. 833.

43 Шах-наме. Т. I, с. 39-40, об. I-I4.

44 В настоящее время известны следующие изображения всадника на коне необычной пятнистой масти, держащего чашу, к которой слетает птица; 1) деревянная иконка из Дандан-Ойлыка № VII, 5 (см.: A. S t e i n. *Ancient Khotan, pl. LIX*); 2) то же, № LX, 5, двусторонняя, на обороте - синий Махшвар (там же, pl. LXII); 3) то же, Британский музей, коллекция "Скрипи" (J.R.A.S. 1968, № 3-4, с. 140); 4) роспись стены в "Малой целле" № II в Дандан-Ойлыке (A. S t e i n. *Ancient Khotan, pl. D II*) - это иллюстрации к легенде; сохранность росписи шлохая, но хорошо различимое изображение пятнистого коня повторяется многократно, иногда конь оседланный, но без всадника; 5) там же, "Большая целла" № II, на стене коридора всадники на пятнистых конях чередуются с всадниками на верблюдах, размещены в три ряда, по четыре фигуры в каждом (там же, с. 248, pl. III); 6) рисунок на бумаге; найден на городище Яр в Турфанском оазисе.

45 A. S t e i n. *Ancient Khotan*, с. 279; A. L e s o q. *Chotscho. B.*, 1913, *Taf.* 48.

46 A. G r u n w e d e l. *Alt-Kutscha. B.*, 1920, с. 45-46, 66.

47 По современным ламаистским верованиям, дух гор близ Лхасы и хранитель всего этого края (*Ph. D. N e b e s k y - W o j k o w i t z. Orakles...*, с. 483).

48 Современные ламыисты считают Бег-це священным стражем Хотана; Далха часто изображается как божество, связанное с жизненными силами природы, окруженное дикими и домашними животными.

Рис. 23. «Четырехрукий бог». Иконка
на дереве. Найдена А. Стейном
в Дандан-Ойлыке, здание Д VII
(Британский музей)

23*

Рис. 24. «Чудесный всадник». Иконка на дереве. Найдена А. Стейном в Дандан-Ойлыке, здание Д X (Британский музей)